

9. Фридендер Н.М. Путь Достоевского от “Бедных людей” к романам 60-х годов // История русского романа. В 2 т. – М.–Л.: АН СССР, 1962. – Т.1. – С.416–431.
10. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы // Собр. соч.: В 4 т. – М.: Худ. лит., 1981. – Т. 3. – 431с.
11. Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки // Русская проза XVIII века. – М.: Худ. лит., 1950. – С.89–157.

Ольга ПАПУША

© 2002

РАССКАЗ ЛЬВА ТОЛСТОГО «КОСТОЧКА»: ПРОБЛЕМЫ КОРРЕЛЯЦИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Повествование сообщает всегда меньше, чем оно знает, но оно часто даёт знать больше, чем сообщает.

Ж.Женетт. Повествовательный дискурс

Как известно, простые вещи – это вещи самые сложные. На самом деле их простота практически всегда – кажущаяся. Это некая видимость, *авидья*, заслоняющая истинную сущность вещей и природы. И только пристальный взгляд обнаруживает скрываемую сложность, интенциональную глубину и многомерность, а в конечном счёте – всю неоднозначность *простоты*. Этот факт представляется особенно значимым при изучении детской литературы, когда приходится опровергать навязчивые мнения (а, по сути, постулат традиционного литературоведения) о *простоте текстов*, вошедших в круг детского чтения.

Рассказы Льва Толстого, созданные в период педагогической деятельности в Ясной Поляне и вошедшие позже в «Азбуку», «Новую азбуку» и «Русские книги для чтения», воспринимались как *«сжатые, простые»* ещё современниками писателя, вызывая поначалу недоумение и споры литературных критиков и педагогов, но постепенно утвердившись как классический образец ориентации на особенности детского восприятия [Арзамасцева, Николаева 2000: 173-182]. Оставив в стороне вопрос о педагогических взглядах Л.Толстого и его учебных книгах для народных школ (ибо деятельность писателя на образовательном поприще принадлежит той системе координат, которая учитывает особенности мировоззрения Толстого и его аутический тип личности), обратимся к толстовским рассказам как *Ambivalents Texts*, по-разному открытым детскому и взрослому прочтению вследствие особой организации повествовательного уровня. Для анализа нами выбран рассказ «Косточка» [Толстой 1984: 90] по нескольким причинам:

Произведение состоит из 17 предложений, то есть оно оптимально кратко и удобно для нарративной аналитики¹ в пределах научной статьи.

Рассказ имеет авторское заглавие («Косточка») и жанровое определение (быль).

Среди персонажей есть и взрослые, и дети, лексика «Косточки» предельно проста, избылируют повторы – на лицо как бы «детская» гармония текста.

¹ Для микроанализа толстовского нарратива нами использована методика Ж.Женетта [Женетт 1998: 60-277].

Приведём текст рассказа полностью, выделяя нарративно значимые части¹ (именно цепь этих частей представляет «конфигурацию в рассказе» [Рикёр 2000: 55]).

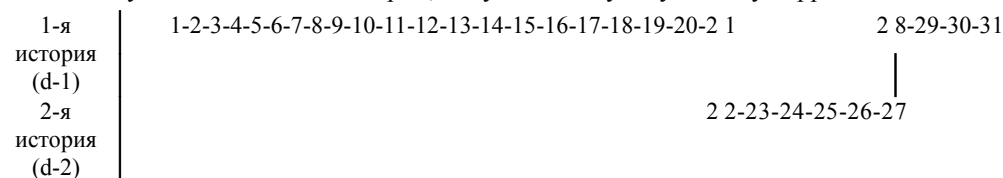
Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда (1). Они лежали на тарелке (2). Ваня никогда не ел слив (3) и всё нюхал их (4). И очень они ему нравились (5). Очень хотелось съесть (6). Он всё ходил мимо слив (7). Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел (8). Перед обедом мать сочла сливы (9) и видит, одной нет (10). Она сказала отцу (11).

За обедом отец и говорит (12): «А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?» (13). Все сказали (14): «Нет» (15). Ваня покраснел, как рак, и тоже сказал (16): «Нет, я не ел» (17).

Тогда отец сказал (18): «Что съел кто-нибудь из вас (19), это нехорошо (20); но не в том беда (21). Беда в том (22), что в сливах есть косточки (23), и кто не умеет их есть (24) и проглотит косточку (25), то через день умрёт (26). Я этого боюсь (27)».

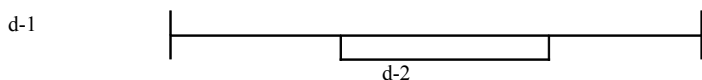
Ваня побледнел и сказал (28): «Нет, я косточку бросил за окошко» (29). И все засмеялись (30), а Ваня заплакал (31).

Анализируя порядок расположения временных сегментов в рассказе и динамику соответствующих событий в истории, получаем следующую схему нарратива:

Восьмой сегмент выделен нами как кардинальный пункт в событиях рассказа (ситуация *нарушения запрета* по Проппу, момент деформации нормативной последовательности действий, который артикулируется нарратором и становится предметом нарративизированного (11), транспонированного (12, 14, 16, 18, 28) и цитатного (13, 15, 17, 19 и т.д) дискурсов). Этот point текста порождает метadieгетический уровень повествования.

Схема делает вполне очевидным тот факт, что диегетический уровень толстовского нарратива расслаивается:

d-1 – история о мальчике, который ослушался родителей (взял без разрешения сливу), попытался это утаить (косточку выбросил в окошко и на все вопросы отца отвечал отрицательно), заслужил порицание от отца за непослушание («это нехорошо»), сам сознался в содеянном («покраснел, как рак» – произвольный знак вины; сообщил о своих действиях с косточкой – «я косточку бросил за окошко») и был наказан окружающими за обман («все засмеялись»);

d-2 – история о неопытном (24) мальчике, который вскоре умрёт от проглоченной косточки.

Считаем нужным отметить, что сегменты 13-15 не являются отдельной историей («историей о детях, которые не ели сливу»), поскольку эти части амплифицируют ситуацию (8) и являются моментом совпадения эпистемологической компетенции нарратора и персонажа (отца)².

¹ Граница между частями маркирована артикулируемой дискретностью времени диегезиса (временными маркерами в тексте являются глагольные формы абсолютного (*купила, сказал* и т.п.) и относительного времени (*видит, говорит, проглотит* и т.п. – «нарративное настоящее» и «нарративное будущее» в значении прошедшего), детерминанты с временным значением (*перед обедом, за обедом, тогда*), предложно-падежные формы существительных с темпоральной семантикой (*после обеда, через день*), союз *когда*, выражающий наряду с видо-временными глагольными формами (*не было, не удержался, схватил, съел*) отношения одновременности двух ситуаций – см. 8-ой сегмент).

² Так же часть 29 манифестирует совпадение эпистемологической компетенции нарратора, персонажей и – что особенно важно! – читателя.

Следовательно, тема обмана принадлежит всецело сфере нарративной эпистемологии (кто знает больше/меньше/одинаково). Повествовательная информация регулируется в рассказе Л.Толстого нарративными инстанциями в нарративной перспективе.

Так, с точки зрения отношения к событиям автор рассказа (N-1) обладает некоторой степенью экспликации (см. употребление в нарративизированном дискурсе сравнительного оборота (16)), отсутствует в описываемой им истории (d-1) в качестве персонажа, но эта история известна ему во всех подробностях¹. Рассказчиком в N-2 является персонаж (отец), которому автор передоверяет функцию наррации (этот способ презентации повествовательного материала тоже входит в повествовательную стратегию автора): отец предлагает параллельную историю (d-2), свою точку зрения на описываемые события, принадлежа одновременно вымышленному миру своего рассказа («я этого боюсь»).

Анализ фокализации толстовского рассказа методом *rewriting* (переписывание текста посредством трансформации грамматического лица – замены личных местоимений 3-его лица на местоимения 1-го лица [Барт 1987: 412-413]) обнаруживает: 1) два модуса повествования – личный и неличный (по Барту), или внутреннюю и внешнюю фокализации² [Женетт 1998: 205]; 2) чередование нарративных фокусов, что в целом можно расценивать как стратегический приём создания интриги в тексте (манипулирование объёмом информации читателя).

Нами уже отмечался нарративный статус сегмента 8 (см. выше) в рассказе Л.Толстого. Добавим к этому в связи с природой фокализации анализируемого текста, что эта часть является также «классическим типом паралепсиса в коде внутренней фокализации» [Женетт 1998: 210], когда повествователь умалчивает (скрывает от читателя) важное действие фокального героя («косточку бросил за окошко»). Так достигается эффект неожиданности – читателю открывается истинное положение вещей: мальчик *попал в историю* и он врёт, пытаясь скрыть свой поступок от других; отец рассказывает *другую историю*, но он обманывает неискушённых, пользуясь их неопытностью и преувеличивая следствия проступка³. Само собою разумеется, что дешифровка всех смыслов рассказа «Косточка» возможна лишь идеальным (имплицитным) читателем текста. Отсюда вопрос: кто им может быть?

Традиционное функционирование этого рассказа в круге детского чтения как бы «приписало» адресатность текста самому маленькому читателю. Но, как известно, ребёнок входит в контакт с текстом, опираясь на собственный опытный комплекс, где ведущую роль играют эмоции, воображение и фантазия. Чем меньше «реципиент», тем менее развито его эстетическое сознание и тем более вероятно «наивное» восприятие художественного текста, элиминация эстетической дистанции [Яусс 1996: 293] между воспринимающим сознанием и литературным произведением. Ребёнку 3-5 лет свойственна прагматическая рецепция, а процессы идентификации всецело детерминируются имплицитной уверенностью в тождестве психической организации «я» и «другой» [Осорина 1999: 17-21]. Так вот, малыши-дошкольники, слушая рассказ «Косточка», центр своих читательских ориентаций фокусируют исключительно на мальчике⁴. Эмоции и переживания Вани (эффект внутренней фокализации,) предшествуют его утверждению (отрицанию?) о выброшенной косточке, сигнализируя детям о случившемся несчастье, а слова взрослого

¹ Согласно своей нарративной компетенции автор и выстраивает повествовательную стратегию рассказа, используя приёмы умолчания (8 и 11) и ритмическую конфигурацию (чередование таких форм нарративного движения, как резюме (1-11, 30-31) и сцена (12-29)).

² Примерами внешней фокализации являются части 2, 20, 21, 22; внутренней – 1, 9, 10, 11 (фокализация матери), 5, 6, 7, 8 и т.п. (Вани), 12, 18, 27 (отца), 14, 30 (остальных детей).

³ В этой связи заглавие рассказа и его жанровая спецификация апеллируют, с одной стороны, к базовому (общекультурному) опыту читателя, прогнозируя «детское» прочтение текста, но, с другой стороны, является авторской провокацией рефлексивных ходов «взрослого прочтения».

⁴ Понимая невозможность учесть все индивидуальные нюансы психологических реакций при восприятии текста, мы опираемся на наиболее частые их типы, наблюдаемые нами в ходе констатирующего эксперимента с детьми разного возраста.

воспринимаются иррационально: слово *умрёт* тревожит их своей неизвестностью¹, но в устах отца оно звучит как *надлежащее быть* (условность высказывания превращается в реальность события). Заключительная же фраза («а Ваня заплакал») является, по сути, текстуальной проекцией читательской реакции (малышам *жалко до слёз* мальчика). На вопрос «о чём этот рассказ?» дети отвечают: «Как мальчик проглотил косточку и через день умрёт». Ребята постарше (приблизительно после 6-7 лет) всё так же сочувствуют персонажу, но улыбаются его незадачливости (проекция «все засмеялись?»): «Вот так попался на удочку!». После 10 лет сдержанная эмоциональная реакция и соответствующие комментарии («Шила в мешке не утаишь!») свидетельствует о тенденции к восприятию коннотаций толстовского текста. Вполне очевидно, что с возрастом читательское восприятие претерпевает качественное изменение: фрагментарность перцепции сменяется целостной рецепцией, непосредственное чтение – рефлексивным, расширяется горизонт ожидания [Яусс 1996: 286]. Возрастающий художественный опыт читателей создаёт условия для *эстетической* коммуникации, когда дополнительным генератором смыслов становится взаиморасположения элементов литературного произведения.

О корреляция повествовательной стратегии и рецептивной тактики чтения мы можем говорить лишь в том случае, когда смысловые доминанты генерируют индивидуальную интерпретационную программу адресата [Ладыгин 1999: 7]. «Взрослое» прочтение рассказа Льва Толстого формирует следующее поле смыслов²: «Косточка прежде всего представляет собой полную развёртку Эдиповой ситуации» [Руднев 2000: 322-323] – *психоаналитическая интерпретация по Фрейд*; текст эксплицирует ролевую ситуацию: властная женщина, никчемные (Ваня) лживые мужчины (отец) – *гендерное вчитывание в текст*; это рассказ о ветхозаветной истории первородного греха и/или о евангельской Тайной вечере – *интертекстуальное прочитывание*; в основе этого произведения лежит мифологема о «воскресающем герое», ритуал перехода, профанный уровень текста экземплифицирует архаический обряд инициации – *мифокритический подход*.

Таким образом, смыслы рассказа Л.Толстого возникают в коммуникативном акте взаимодействия повествовательной стратегии и рецептивной практики. Корреляция нарративной и рецептивной стратегий в «Косточке» ставит вопрос об ином имплицитном (идеальном) адресате толстовского текста – взрослом (культурном) читателе.

ЛИТЕРАТУРА

- Арзамасцева, Николаева 2000: Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учебник.– М., 2000.
- Барт 1987: Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе.– М., 1987.– С.387-422.
- Женетт 1998: Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 2.– М., 1998.
- Ладыгин 1999: Ладыгин Ю.А. Имплицитное содержание художественного текста: Лекции к спецкурсу по стилистике.– СПб, 1999.
- Осорина 1999: Осорина М.В. Этапы развития личности ребёнка и его чтение // Детское чтение: феномен и традиция в конце XX ст.: материалы международной конференции (доклады, сообщения). Ч.1.– СПб, 1999.– С.17-23.
- Рикёр 2000: Рикёр П. Время и рассказ.– М., 2000.
- Руднев 2000: Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II.– М., 2000.
- Руднев 2001: Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты //19.10.01. <http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html>
- Сигал М., Адкок Д. Ребёнок играет: от трёх до пяти лет.– СПб, 1996.
- Толстой 1984: Толстой Л. Собр. соч. в 12-ти томах.– Т. IX.– М., 1984.– С. 90.

¹ Ср. наблюдения психологов: «Обычно перспектива преждевременной смерти не приводит их (детей – О.П.) в ужас, но, тем не менее, она на какое-то время остаётся источником беспокойства, который не получает разрядки» [Сигал, Адкок 1996].

² Типы интерпретации в данном случае представлены как: 1) известные герменевтические опыты (см., например, дискурсивные модели [Руднев 2001: 260-266, 556-569]; 2) результат личного прочитывания текста.

František VŠETIČKA

© 2002

BALADA VIKTORA DYKA

Roku 1903 vydal Viktor Dyk soubor povídek Hučí jez a jiné prózy. Titulní, poměrně rozsáhlá povídka měla několik kapitol, z nichž kapitola nazvaná Výlet začínala scénou, v níž unavený dekadentní hrdina (spíše antihrdina) Alferi vystoupí z vlaku a vybavuje si dávnou milostnou historku:

„Vlak stanul... Alferi vystoupil z vagonu.–

Zůstal zde chvíli státi; co vlastně chce zde, napadlo mu?! Nemá to mnoho smyslu; dokonce žádný smysl to nemá; konfusní úmysl; teprve nyní se rozpomínal.

Sentimentální nápad: sem, kde kvetly kaštiny, a kde, je tomu ovšem hezky dávno, také zářilo slunce?! Zde byla jedna stanice na jeho cestě a jeden mezník na zaprášené silnici. A tak včera, kdy hleděl večer do ulic, osvětlovaných špatným plynovým světlem, pojala ho ještě ona touha: viděti i toto místo, jako viděl jiná, jako všechno chtěl viděti, kde se zastavil. A kaštiny budou kvésti, a ona bude tam státi úsměvna u onoho stromořadí, a bude míti onen slaměný, malý klobouček – eh, ano, a třeba by nyní byl mrzutý březan a mlhy visely dlouze a vyzývavě, ona tam bude státi a nic se nezměnilo a léta nepřešla a on není u konce, ale bude žíti a nyní teprve žítí několik krásných, celých okamžiků.“ [1].

Dykova povídka Hučí jez vznikala od ledna 1897 do ledna 1898. Citovaná scénka ze začátku kapitoly Výlet má charakter intermotiv, neboť se v přibližně shodné podobě vrací v jiných básnickových dílech. Po dvaceti letech se např. objevuje v jeho Baladě, kterou autor pojmal do sbírky Noci Chiméry (1917). Jde o rozsáhlou báseň, jež má sedmáct čtyřveršových strof, tj. 68 veršů.

Situace příbuzná kapitole Výlet prostupuje celou Baladu, která na rozdíl od zmíněné kapitoly zahrnuje dva vydělené příběhy – přítomný a minulý. Oba přitom vyznívají stejně beznadějně, ústí do prázdna. Minulý příběh je zformulován v dívčině lapidární odpovědi: *Všechno je zničeno, co mohlo kvésti*. Přítomný příběh pak přiléhavě vyjadřují závěrečné verše:

... život se šileně řítí,
nevíme kudy a nevíme jak.

[2]